

МЫСЛИ О НАШЕМЪ МЫШЛЕНІИ.

I.

Много лѣтъ тому назадъ за границею въ одной книгѣ анонимнаго автора я случайно натолкнулся на такой отзывъ о турецкихъ войскахъ сравнительно съ нашими въ кампанію 1877—78 гг.: «Этотъ походъ кончился, правда, неудачно для Турціи, но если изслѣдовать его безпристрастно, то нельзя не прійти къ тому же заключенію, къ которому приходитъ покойный генераль Штрекеръ-паша въ концѣ своей брошюры «Русскіе и турецкіе вожди въ войну 1877—78 гг.»: «Если принять въ соображеніе, что русская армія съ самаго начала военныхъ дѣйствій численно превосходила турецкую и что это превосходство съ теченіемъ времени все возрастало, то разница между ожиданіями, вытекавшими изъ ходячаго представленія о достоинствахъ обѣихъ армій, и дѣйствительными ихъ успѣхами окажется еще сильнѣе. Фактъ, что послѣдніе не соотвѣтствовали первымъ, многими объясняется просто тѣмъ, что Турція проявила такую силу сопротивленія, какой отъ нея не ожидали, но никто не далъ себѣ труда выяснить, откуда бралась эта сила. Не числомъ выставленныхъ войскъ превзошли турки всѣ ожиданія и, конечно, ужъ не организаціей или обученіемъ ихъ: оказанная ими сила сопротивленія могла имѣть своимъ источникомъ только присущія имъ личныя качества, въ особенности ихъ умственныя способности (Intelligenz)». «Да, прибавляетъ авторъ, несмотря на то, что

турецкая армія числомъ, организаціей и обученіемъ стояла ниже русской, несмотря на плохое управленіе отдѣльными частями войскъ, на неопытность и неустойчивость высшаго военнаго совѣта въ веденіи всѣхъ операцій, высшая интеллигентность, болѣе высокія моральныя качества турецкой расы,—вотъ что было причиною неоднократныхъ чувствительныхъ пораженій, испытанныхъ русскими, вотъ что создало геройскую оборону Шлевны, отсрочило на долгіе мѣсяцы побѣдоносный походъ къ Константинополю, о которомъ такъ мечтали, и было сломлено лишь послѣ продолжительныхъ боевъ, благодаря громадному превосходству силъ»¹⁾).

Я былъ тогда сравнительно молодъ и только что попалъ за границу. Неудивительно, что такой отзывъ глубоко уязвилъ меня. Мнѣ казалось крайне несправедливымъ и обиднымъ, что насъ, русскихъ, успѣвшихъ уже дать міру цѣлый рядъ великихъ поэтовъ, ученыхъ, государственныхъ и военныхъ дѣятелей, позволяютъ себѣ не только ставить на одну доску съ турками, которые еще ничего не внесли въ общечеловѣческую культурную сокровищницу, но даже находить ихъ по умственнымъ дарованіямъ выше насъ. Я тогда не зналъ еще, что иностранцы рѣдко отзываются благопріятно о насъ и что разсчитывать на ихъ безпристрастіе совершенно невозможно. Впрочемъ, я скоро просвѣтился на этотъ счетъ, пересталъ удивляться подобнымъ отзывамъ и уже забылъ почти объ упомянутой книгѣ, когда случай свелъ меня съ авторомъ ея. Имъ оказался очень интересный человѣкъ, корреспондентъ одного изъ первоклассныхъ европейскихъ телеграфныхъ агентствъ, отличный знатокъ турокъ и турецкой арміи, долгое время поставлявшій статьи о ней для Лѣбелевскаго Ежегодника. Когда мы съ нимъ познакомились покороче, я какъ-то навелъ разговоръ на его обидное сравненіе насъ съ турками. Мой собесѣдникъ сконфузился, старался замять этотъ разговоръ и перевести его на другую тему, но... отъ своихъ словъ отказаться не пожелалъ. Зная его за человѣка вдумчиваго, разсудительнаго, самостоятельнаго въ своихъ сужденіяхъ, я былъ пораженъ такимъ упорнымъ нежеланіемъ его разстаться со своимъ, какъ мнѣ казалось, заблужденіемъ; и тутъ во мнѣ впервые шевельнулась мысль, нѣтъ ли въ этомъ отзывѣ доли правды, такъ ли ужъ мы умны на самомъ дѣлѣ?

Недавно мнѣ пришлось убѣдиться, что мой знакомецъ не измѣнилъ своего мнѣнія и до настоящаго времени. Въ одной изъ своихъ новѣйшихъ статей, посвященныхъ турецкой арміи, онъ приводитъ

¹⁾ Die Türkische Wehrmacht und die Armeen der Balkanstaaten. Von H. A. Wien. 1892, стр. 110.

другой отзывъ того же Штрекера-паши, который онъ называетъ «весьма замѣчательнымъ»: «Если и нельзя было сомнѣваться, что общее образованіе среди турокъ было не выше, чѣмъ у русскихъ, то все же на представителяхъ многихъ народностей Турціи сказывалось вліяніе древней культуры, а природныя умственныя способности (Intelligenz) мусульманскаго населенія Турецкой Имперіи въ силу социальныя условій развились гораздо выше, чѣмъ у русскихъ»²⁾.

Такой неблагопріятный отзывъ внимательнаго и вдумчиваго наблюдателя, какъ мой знакомецъ, о нашей интеллигентности сравнительно даже съ турками невольно обращаетъ на себя вниманіе. Но все же надо сказать, что въ немъ умственныя способности русскаго народа не характеризуются самостоятельно, а лишь сопоставляются со способностями турокъ; къ тому же Штрекеръ-паша, какъ и мой знакомецъ, опирающійся на его отзывы, врядъ ли могли хорошо знать русскихъ и потому къ ихъ компетентности въ этомъ вопросѣ позволительно отнестись недовѣрчиво.

Но послѣдняя наша война съ Японіей даетъ тоже рядъ примѣровъ недостатка у насъ здраваго смысла.

Положимъ, въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о Дальнемъ Востокѣ, о Маньчжуріи и Приамурьи, странахъ отдаленныхъ, мало извѣстныхъ намъ, не вызывавшихъ въ насъ никакого интереса. Мы отмахивались отъ заботъ, которыя навязывали намъ Маньчжурія, Корея, Портъ-Артуръ, и въ возгорѣвшейся изъ-за нихъ грандіозной войнѣ думали только о томъ, какъ бы скорѣе такъ или иначе развязаться съ нею. При такихъ условіяхъ самыя грубыя, самыя нелѣпыя ошибки были вполнѣ возможны и при наличіи здраваго смысла. Но оказывается, что и безпримѣрныя пораженія въ этой войнѣ не оживили въ насъ интереса къ Дальнему Востоку: мы и теперь не вдумываемся ни въ значеніе для насъ Тихоокеанской окраины, ни въ политическія и національныя задачи нашихъ тамошнихъ вѣсѣлей; мы просто знать не хотимъ этихъ вопросовъ.

Но если упрекъ въ недостаткѣ здраваго смысла справедливъ по отношенію къ нашей военной и политической дѣятельности на Дальнемъ Востокѣ, — а съ этимъ трудно не согласиться даже при поверхностномъ знакомствѣ съ событіями того времени и настоящимъ положеніемъ вещей тамъ, — то совершенно естественно возникаетъ вопросъ, не составляетъ ли отсутствіе здраваго смысла въ насъ общаго явленія, сказавшагося только болѣе понятнымъ

²⁾ Danzer's Arnee—Zeitung. 22 Dezember 1910: «Lose Betrachtungen über die Neutürkei und ihre Wehrkräfte». Von H. Albertall. Стр. 5.

для насъ образомъ на Дальнемъ Востокѣ, благодаря чувствительнымъ ударамъ, которыми мы были тамъ наказаны за свое неразуміе? Вѣдь не можетъ же быть такъ, чтобы, поступая всегда, во всѣхъ случаяхъ разумно, мы только по отношенію къ Дальнему Востоку оказались неразумными. И политическіе, и военные дѣятели наши на Дальнемъ Востокѣ не составляли и не составляютъ особой разновидности россіянь, они такъ же плоть отъ плоти и кровь отъ крови русскаго народа, какъ и всѣ мы, грѣшныя, они вышли изъ нашей среды, получили одинаковыя съ нами воспитаніе и образованіе и въ своей предыдущей службѣ проходили тѣ же ступени и были на тѣхъ же должностяхъ, что и мы; было бы поэтому неосновательно предположить, чтобы они могли отличаться въ чемъ-либо отъ общей массы нашихъ военныхъ и политическихъ дѣятелей. Приходится, слѣдовательно, допустить, что отсутствіемъ здраваго смысла страдаемъ, вѣроятно, всѣ мы, всѣ тѣ классы общества, откуда комплектуются наши руководящія сферы. А отсюда недалеко уже до предположенія, не готовимся ли мы къ пораженію не только на Дальнемъ Востокѣ, но на всѣхъ фронтахъ, во всѣхъ областяхъ нашей военной и политической жизни?

Отсутствіе здраваго смысла въ цѣломъ народѣ, въ его интеллигентныхъ классахъ, — да это парадоксъ, скажетъ читатель. Оно, конечно, кажется страннымъ говорить о недостаткѣ здраваго смысла у народа, давшаго міру мыслителей въ родѣ Менделѣева или Лобачевского, творенія которыхъ поражаютъ глубиною мысли и трезвою логикою своихъ построеній. Но... не станемъ, однако, и преувеличивать значенія подобныхъ явленій; на нашъ многомилліонный народъ такихъ мыслителей разъ — два и обчелся, да и тѣ теряются въ малодоступныхъ публикѣ областяхъ чистой науки. На аренѣ же политической и военной жизни людей сильнаго, логическаго мышленія у насъ было на рѣдкость мало, и особенно въ послѣднее время. Принявъ это во вниманіе, придется сознаться, что выводъ объ отсутствіи въ насъ здраваго смысла теряетъ, пожалуй, свой парадоксальный характеръ, сохранивъ значеніе положенія, вполне возможнаго, хотя, быть можетъ, и требующаго еще доказательствъ.

Вѣроятно, каждому изъ насъ приходилось встрѣчать спеціалистовъ, людей, всю душу свою влагающихъ въ какое-либо, хотя и маленькое дѣло, и выслушивать отъ нихъ жалобы на полное непониманіе лицъ, отъ которыхъ оно зависитъ, и на неправильныя рѣшенія на практикѣ, которыя являются слѣдствіемъ невниманія къ ихъ представленіямъ. Какъ общее правило, пожеланія такихъ лицъ вытекаютъ

изъ сущности дѣла, и, рѣшая вопросъ несоотвѣтственно съ ними, какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, мы прямо вредимъ дѣлу, какими бы обстоятельствами и условіями ни прикрывалось принятое нами неправильное рѣшеніе. Все же, однако, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ эти обстоятельства и условія не позволяютъ приписать неправильное рѣшеніе недостатку въ насъ здраваго смысла: здѣсь рѣшеніе чаще всего зависитъ отъ усмотрѣнія того или другого лица, и, слѣдовательно, несоотвѣтствіе его сущности дѣла всегда можетъ быть приписано индивидуальнымъ особенностямъ этого лица. Но нетрудно найти примѣры и такихъ рѣшеній, въ которыхъ сказывается уже характеръ мышленія массы: по нимъ легче судить, въ какихъ отношеніяхъ живемъ мы со здравымъ смысломъ.

Въ 1911 г. офицерамъ, державшимъ при штабахъ округовъ экзаменъ для поступленія въ Императорскую Николаевскую военную академію, была предложена для рѣшенія чрезвычайно простая тактическая задача: полкъ, составляющій боковой авангардъ, одновременно узнаетъ, что прикрываемая имъ дивизія попала подъ артилерійскій огонь съ позиціи, занятой противникомъ на пути ея наступленія, и что появились значительныя силы противника съ той стороны, съ которой онъ прикрываетъ движеніе дивизіи; требовалось отдать распоряженія по боковому авангарду. Казалось бы, такая элементарная, несложная задача не должна была представить никакихъ затрудненій для экзаменуемыхъ. На экзаменъ пришли люди уже довольно солидные, въ чинахъ отъ поручика до капитана включительно, люди, конечно, неглупые, въ извѣстномъ смыслѣ лучшіе офицеры своихъ частей, не новички въ тактикѣ, много поработавшіе при подготовкѣ къ экзаменамъ. Съ другой стороны, и надъ задачей не приходилось долго раздумывать: полкъ въ качествѣ бокового авангарда прикрываетъ движеніе дивизіи съ той стороны, гдѣ онъ находится, и, значитъ, въ случаѣ появленія отсюда противника долженъ направить свои операціи именно противъ него, если, конечно, онъ не получитъ другой директивы или если обстановка не измѣнится такъ, что выполнение его функцій бокового авангарда станетъ излишнимъ³⁾. При такихъ условіяхъ неправильныя, невытекающія изъ обстановки задачи рѣшенія, казалось бы, могли оказаться только въ видѣ единичныхъ, немногихъ исключеній. Вышло же, однако, не то: три четверти экзаменовавшихся (въ округѣ, гдѣ я служу, 32 изъ 43), наперекоръ здра-

3) См. рѣшенія, признанныя академіею наилучшими, въ «Извѣстіяхъ Императорской Николаевской военной академіи», январь 1912 г.

вому смыслу и логикѣ, наперекоръ даже основной обязанности военной службы исполнить во что бы то ни стало данное приказаніе (полку—прикрывать дивизию съ фланга), направили полкъ въ атаку на позицію, преграждавшую путь дивизіи, а не противъ противника, показавшагося со стороны прикрываемаго полкомъ фланга.

Пораженный такимъ результатомъ, я послѣ экзамена постарался выяснитъ соображенія, которыми руководствовалось большинство офицеровъ, принявъ такое явно неправильное рѣшеніе. Соображенія оказались довольно простыми. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся у офицеровъ, академія, будто бы, всегда требуетъ рѣшеній въ смыслѣ наступленія, оцѣнивая иныя рѣшенія неудовлетворительными отмѣтками; въ данномъ же случаѣ они видѣли подтвержденіе этому еще и въ томъ, что на присланныхъ академію листахъ карты, на которой должна была рѣшаться задача, позиція, преграждавшая путь дивизіи, находилась въ центрѣ листа, тогда какъ путь движенія бокового авангарда помѣщался близко къ его обрѣзу: очевидно, рассуждали они, рѣшеніе, угодное академіи, заключается въ атакѣ позиціи. Такимъ образомъ, почти три четверти экзаменовавшихся офицеровъ (я говорю почти, потому что среди нихъ могло оказаться нѣсколько человекъ, добросовѣстно считавшихъ это рѣшеніе наилучшимъ) нашли возможнымъ уклониться отъ разбора задачи по существу и вывода изъ него извѣстнаго рѣшенія, а предпочли заняться рѣшеніемъ другой задачи—отыскать отвѣтъ, который соответствовалъ бы требованіямъ академіи, какъ они ихъ понимали, и тѣмъ опезпечить себѣ удовлетворительный экзаменаціонный баллъ, совершенно не заботясь о томъ, вытекаетъ ли этотъ отвѣтъ изъ сущности задачи или нѣтъ ⁴⁾).

Положимъ, экзамены—дѣло слишкомъ важное для офицеровъ, чтобы они не постарались гарантировать себѣ успѣшный исходъ ихъ всѣми правдами и неправдами. Можетъ показаться также, что было бы, пожалуй, слишкомъ ужъ строго требовать отъ нихъ забвенія собственныхъ интересовъ ради того, чтобы добиться правильнаго рѣшенія какой-то тамъ совершенно отвлеченной задачи, требовать, чтобы они давали *правильныя* рѣшенія, а не рѣшенія, *угодныя* академіи или кому бы то ни было. Конечно, всѣ мы люди, всѣ человекѣ, всѣмъ намъ своя рубашка ближе къ тѣлу. Но когда рѣчь идетъ о подготовкѣ матеріала, изъ котораго впослѣдствіи будутъ комплектоваться дѣятели, вершающіе дѣла государственнаго зна-

⁴⁾ Повидимому, и въ другихъ округахъ офицеры дали въ большинствѣ такое же рѣшеніе: по крайней мѣрѣ, относительно Варшавскаго округа это отмѣчено «Офицерскою Жизнью», 1911 г. № 260.

ченія, мы должны рѣшительно высказать осужденіе тенденціямъ, въ которыхъ сказывается стремленіе замѣнить рѣшеніе вопроса по существу рѣшеніемъ въ угоду чему или кому бы то ни было. «На военное дѣло надо смотрѣть, какъ на дѣло святое, въ которомъ всѣ фокусы, личные интересы, счеты самолюбія или тщеславія должны быть отброшены въ сторону. Дѣло это жестокое, требующее поэтому полной добросовѣстности»⁵⁾. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, думать, что бы человѣкъ въ однихъ случаяхъ мыслить такъ, въ другихъ иначе, чтобы, привыкши во всякомъ дѣлѣ прежде всего вспоминать о своихъ интересахъ, онъ сталъ бы въ дѣлахъ общественнаго значенія забывать о себѣ. Къ тому же у всякаго человѣка личная жизнь такъ тѣсно связывается съ его общественнымъ служеніемъ, что выборъ между рѣшеніемъ дѣла по существу или по постороннимъ соображеніямъ приходится дѣлать на каждомъ шагу. Поэтому легкость, съ которою большинство офицеровъ, поступающихъ въ Императорскую Николаевскую военную академію, готово мириться съ неправильнымъ рѣшеніемъ вопроса ради какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній, составляетъ дурное предзнаменованіе для будущихъ офицеровъ генеральнаго штаба и высшихъ войсковыхъ начальниковъ: въ ихъ будущей дѣятельности можно всегда ожидать уклоненій отъ логики и здраваго смысла, которыя вредно отразятся на поручаемыхъ имъ дѣлахъ.

Впрочемъ, съ своей точки зрѣнія, офицеры, если хотите, въ разбираемомъ случаѣ рассуждали правильно. Тѣмъ не менѣе, если бы случайно не стала извѣстна причина, подтолкнувшая офицеровъ на ошибочное рѣшеніе, ничѣмъ другимъ нельзя было бы объяснить себѣ его, какъ отсутствіемъ въ офицерахъ здраваго смысла, дѣлающимъ ихъ неспособными къ согласному съ пользою дѣла рѣшенію задачъ.

Было бы очень поучительно прослѣдить дальнѣйшую карьеру экзаменованныхъ офицеровъ въ академіи и въ послѣдующей службѣ, чтобы опредѣлить, какъ и насколько измѣнялось подъ вліяніемъ этихъ факторовъ ихъ отношеніе къ вопросамъ, представляющимся имъ на разрѣшеніе. Но этого нельзя; однако, по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что вліяніе это врядъ ли было бы значительно. Вотъ, на примѣръ, что рассказываетъ «Офицерская Жизнь» 1911 г., № 260 объ офицерахъ генеральнаго штаба по поводу тѣхъ же экзаменовъ. Когда нѣкоторыхъ изъ нихъ спросили, какъ бы они рѣшили задачу, они отвѣтили, что полкъ долженъ

⁵⁾ «Русская Старина», апрѣль 1911 г. А. Витмеръ. «Генераль Церпицкій», стр. 40.

дѣйствовать противъ обходящей дивизіи, т. е. охранять флангъ; но когда имъ было объяснено, что верстовка не захватывала этого района, отвѣтъ получился одинъ: «это другое дѣло—тогда надо атаковать на фронтъ...» Изъ статьи не видно, много ли офицеровъ было опрошено и дало подобный отвѣтъ; но журналъ, повидимому, склоненъ думать, что офицеры генеральнаго штаба въ массѣ отвѣтили бы подобнымъ же образомъ, такъ какъ онъ обобщаетъ этотъ отвѣтъ и иронизируетъ надъ академіей, добившейся яко бы такого единства взглядовъ среди своихъ бывшихъ питомцевъ разныхъ выпусковъ. Изъ этого можно бы, пожалуй, заключить, что и въ офицерахъ генеральнаго штаба вообще преобладаетъ то же самое безразличное отношеніе къ истинѣ, что и имъ не такъ важно рѣшить задачу по существу, сколько догадаться, какое рѣшеніе болѣе всего по вкусу академіи и вообще тому, кому рѣшеніе представляется.

Такою же податливостью и готовностью поступиться правильнымъ рѣшеніемъ въ пользу тѣхъ или иныхъ постороннихъ соображеній, хотя и болѣе благороднаго характера, мнѣ пришлось наблюдать и въ другомъ случаѣ. Въ гарнизонѣ того большого города, гдѣ протекаетъ моя служба, имѣется человекъ сорокъ офицеровъ генеральнаго штаба. И вотъ, каждый разъ, когда кто-либо изъ нихъ покидаетъ насъ, получая назначеніе въ другой округъ, среди остающихся начинаются нескончаемые дебаты, слѣдуетъ ли почтить отъѣзжающаго какимъ-либо выраженіемъ нашихъ чувствъ, и, въ утвердительномъ случаѣ, въ какой формѣ это сдѣлать. Эти споры мнѣ приходится слышать уже много лѣтъ, хотя они давнымъ-давно освѣтили всесторонне всякіе сюда относящіеся вопросы. Выяснилось съ полною очевидностью, что проводы, въ какой бы формѣ ни устраивались, не могутъ служить выраженіемъ нашихъ чувствъ уже по одному тому, что лица, старшія чиномъ и служебнымъ положеніемъ, тѣмъ самымъ гарантированы отъ выраженія несочувствія и неудостоенія проводами. Если же чествовать проводами всѣхъ покидающихъ насъ товарищей, то самое слово «чествованіе» окажется неумѣстнымъ, да и проводы теряютъ всякій смыслъ, такъ какъ тогда въ сущности каждый самъ себя устраиваетъ прощальный обѣдъ или ужинъ, самъ себя подноситъ подарокъ или жетонъ. При такихъ условіяхъ, казалось бы, разумнѣе всего отказаться отъ всякихъ проводовъ, въ какой бы формѣ они не предлагались, въ формѣ ли совмѣстной ѣды, въ формѣ ли поднесенія подарка или жетона. Тѣмъ не менѣе это разумное рѣшеніе постоянно отвергалось офицерами въ теченіе ряда лѣтъ, споры во-

зобновлялись каждый разъ при отъѣздѣ кого-либо изъ товарищей съ обычною горячностью, и проводы все-таки устраивались.

Прислушиваясь къ сужденіямъ сослуживцевъ, я убѣдился, что они только отчасти вызываются непониманіемъ неумѣстности всякаго рода проводовъ при указанныхъ условіяхъ; большинство же, понимая это, тѣмъ не менѣе высказывается всегда за проводы подъ вліяніемъ въ сущности очень хорошихъ и симпатичныхъ побужденій. Какъ извѣстно, офицеры генеральнаго штаба у насъ объединены въ одну корпорацію лишь общностью мундира и приблизительно одинаковыми условіями служебной карьеры; пдейнаго объединенія ихъ не замѣчается. Это-то отсутствіе духовной связи, отсутствіе идеи, во имя которой они объединялись бы въ общей работѣ, больно чувствуется большинствомъ офицеровъ генеральнаго штаба и заставляетъ ихъ цѣпляться хотя бы за призракъ, за форму безъ содержанія, за внѣшнее выраженіе несуществующаго корпоративнаго духа. Это лишнее свидѣтельство ненормальнаго положенія корпуса офицеровъ генеральнаго штаба у насъ. Но съ точки зрѣнія занимающаго насъ теперь вопроса это опять уступка правильнаго рѣшенія въ пользу постороннихъ, не вытекающихъ изъ дѣла соображеній.

Какъ ни характерны приведенные факты, они еще не позволяютъ, пожалуй, судить о томъ, насколько правильно мы умѣемъ мыслить: можетъ быть, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не замѣшанъ нашъ личный интересъ, наше личное чувство, мы будемъ мыслить гораздо лучше, объективнѣе? Но мнѣ пришлось уже упомянуть, что характеръ мышленія у человѣка не можетъ мѣняться по произволу: если онъ не привыкъ всегда и во всѣхъ случаяхъ дорожить истиною выше всего, если отклоненія отъ нея, каковы бы ни были ихъ причины, не вызываютъ въ немъ боли, разлада съ самимъ собой, то для него и въ случаяхъ, не затрагивающихъ его интересовъ, легко возможны ошибки мышленія и зачастую даже весьма грубыя. Привычка относиться безъ должнаго вниманія къ строгости своихъ выводовъ и легко поступаться ими скажется и при разработкѣ вопросовъ общаго характера, въ которыхъ личному интересу уже нѣтъ мѣста, и даже при разработкѣ чисто теоретическихъ, научныхъ вопросовъ, гдѣ рѣчь идетъ только о выясненіи истины. Такова ужъ природа человѣка: привычка въ ней играетъ огромную роль. Это вѣдь вторая натура. Мы не привыкли и не умѣемъ правильно мыслить, а поѣтому и не дорожимъ логическимъ развитіемъ той или иной идеи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я помѣстилъ въ нашихъ военныхъ

журналахъ двѣ—три статьи, а затѣмъ выпустилъ отдѣльную книгу⁶⁾, въ которыхъ усиленно старался освѣтить вопросъ о спеціальности генеральнаго штаба. Я взглянулъ на него не какъ на учрежденіе, которое, по желанію, можетъ быть, а можетъ и не быть при арміи, которому можно дать то или другое устройство въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ и усмотрѣній: я разсматривалъ его, какъ явленіе, вызываемое къ жизни современнымъ состояніемъ военнаго дѣла, какъ необходимый органъ современной арміи. безъ котораго она не можетъ выполнять своего назначенія. Исходя изъ такого взгляда, я въ основу своихъ работъ принялъ нѣкоторыя положенія, которыя казались мнѣ неоспоримыми, и затѣмъ, путемъ разсужденій и ряда умозаключеній, постарался выяснитъ роль и назначеніе генеральнаго штаба въ арміи, его спеціальность. Выводы, къ которымъ я пришелъ, я провѣрилъ путемъ сравненія ихъ съ тѣмъ, что генеральный штабъ представляетъ собою въ дѣйствительности въ различныхъ арміяхъ. Мои статьи и книга удостоились нѣкотораго вниманія и вызвали въ повременной печати рядъ статей и замѣтокъ различныхъ авторовъ. Отзывы были крайне разнообразны—и очень лестные, и неблагопріятные; но въ общемъ вся эта полемика о спеціальности генеральнаго штаба сильно напоминала по своему характеру споры съ женщиной. Вы начинаете убѣждать ее въ чемъ-нибудь и послѣдовательно, шагъ за шагомъ заставляете ее соглашаться съ вашей точкой зрѣнія; но, когда вы доходите до вашего конечнаго вывода, несогласнаго съ ея взглядомъ, вы неизмѣнно услышите: и все-таки ты не правъ, а вѣрно то, что я говорю. Такъ и въ полемикѣ о генеральномъ штабѣ моимъ разсужденіямъ не отказывали въ послѣдовательности и логичности, но... съ выводомъ, къ которому они приводили, все же не желали согласиться, такъ какъ онъ не соотвѣтствовалъ привычнымъ взглядамъ.

Въ сущности полемизировать съ сочиненіемъ въ родѣ моего, какъ оно выше очерчено, не представляетъ никакихъ трудностей: надо доказать либо ошибочность исходныхъ положеній, либо несостоятельность умозаключеній и выводовъ, дѣлаемыхъ изъ нихъ. Однако, ни одинъ изъ моихъ критиковъ не пошелъ этимъ путемъ: критика сводилась къ тому, что либо разбирались отдѣльныя мысли изъ моихъ сочиненій внѣ связи съ другими, либо моимъ словамъ придавался смыслъ, котораго они не имѣли, и доказывалась не правильность моего пониманія дѣла, либо, наконецъ, прямо вы-

⁶⁾ Э. Х. Калнинъ. «Генеральный штабъ и его спеціальность».

сказывался собственный взглядъ на генеральный штабъ, а проводимый мною безъ церемоніи отвергался, какъ несогласный съ нимъ. Особенно же оригинально ноступилъ органъ нашего высшаго военно-научнаго учрежденія: «Извѣстія Императорской Николаевской военной академіи»; въ статьѣ «Служба германскаго генеральнаго штаба» ⁷⁾ совершенно голословно мой методъ изслѣдованія названъ несостоятельнымъ, взгляды предвзятыми и выводы нежизненными, а затѣмъ дано собственное изслѣдованіе вопроса, выводы котораго... совпали вполнѣ съ моими! Очевидно, примѣненіе такихъ пріемовъ полемики мало способствуетъ выясненію истины.

Еще оригинальнѣе предложеніе, исходившее отъ г. Скугаревскаго. Имя г. Скугаревскаго пользуется въ нашей арміи почетною извѣстностью, какъ одного изъ видныхъ нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба, много подвизавшагося на военно-литературномъ поприщѣ, занимавшаго одно время высокій постъ въ строю и являвшагося въ послѣдніе годы однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Военнаго Совѣта; все его общественное служеніе свидѣтельствуешь, что это человѣкъ, всей душой преданный военному дѣлу и много поработавшій на пользу его. Это, однако, не помѣшало ему выступить съ предложеніемъ въ высшей степени страннымъ. Оно сдѣлано въ статьѣ «Генеральный штабъ», помѣщенной въ № 1008 «Развѣдчика» за 1910 г., въ которой онъ, перечисливъ взгляды нѣсколькихъ писателей на специальность генеральнаго штаба, вкратцѣ возражаетъ на нихъ, затѣмъ поясняетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ и въ концѣ концовъ предлагаетъ, путемъ голосованія, найти правильное опредѣленіе специальности генеральнаго штаба. Съ точки зрѣнія разбираемаго мною теперь вопроса о характерѣ нашего мышленія здѣсь одинаково любопытны и высказанный г. Скугаревскимъ взглядъ на специальность генеральнаго штаба, и само предложеніе голосовать вопросъ.

Г. Скугаревскій въ № 1 «Военнаго Сборника» за 1885 г. опредѣляетъ, между прочимъ, генеральный штабъ, какъ «особый специальный органъ, служащій для исполненія многихъ специальныхъ обязанностей»; въ указанной статьѣ «Развѣдчика» онъ повторяетъ: «Я... считаю главнымъ назначеніемъ генеральнаго штаба специальную войсковую службу». На мое замѣчаніе, что такое опредѣленіе ничего не опредѣляетъ, г. Скугаревскій возражаетъ: «... вѣдь я въ двухъ статьяхъ подробно перечислилъ эти спе-

7) «Извѣстія Имп. Ник. военной академіи» 1911 г. №№ 9 и 10.

ціальныя обязанности, сжатый перечень которых вошелъ теперь въ полевой уставъ, какого же еще опредѣленія остается желать?» Нельзя не удивляться, какъ это г. Скугаревскому, когда онъ писалъ эти строки, не пришла въ голову простая мысль, что перечень не есть опредѣленіе, что относительно перечня, хотя бы и попавшаго въ уставъ, всегда возможны вопросы, почему такія-то обязанности включены въ него, другія нѣтъ, что поэтому перечень долженъ явиться слѣдствіемъ опредѣленія специальности, а не наоборотъ, и что, слѣдовательно, необходимо имѣть, прежде всего, не перечень обязанностей генеральнаго штаба, а точное опредѣленіе его специальности. И эта-то простая мысль ускользнула отъ г. Скугаревскаго и до такой степени, что онъ въ недоумѣніи спрашиваетъ: «какого же еще опредѣленія остается желать?»

И онъ, дѣйствительно, обходится безъ него. Свое прежнее опредѣленіе, данное въ «Военномъ Сборникѣ» 1885 г. № 1, что генеральный штабъ есть «особый специальный органъ, служащій для передачи въ войска воли начальниковъ», «важный посредствующій органъ между начальниками и войсками для стройнаго и правильнаго приведенія въ движеніе и дѣйствіе отрядовъ и армій», онъ самъ признаетъ несостоятельнымъ, соглашаясь, что это опредѣленіе не генеральнаго штаба, а всякаго отряднаго штаба. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что «въ этихъ отрядныхъ штабахъ полезно имѣть специальныхъ офицеровъ, хорошо подготовленныхъ для довольно сложной и характерной полевой службы войсковыхъ штабовъ, подобно тому, какъ есть специальные артилерійскіе, кавалерійскіе и саперные офицеры». И въ этомъ опредѣленіи какают путаница. Специальные офицеры входятъ въ составъ штабовъ, составляютъ какъ бы часть ихъ, а въ то же время должны быть хорошо подготовлены къ полевой службѣ штабовъ: слѣдуетъ ли это понимать въ томъ смыслѣ, что специальное дѣло этихъ офицеровъ—полевая служба штабовъ, т. е. вся разносторонняя штабная служба въ полѣ, на войнѣ? Или въ составѣ штабовъ должны быть офицеры, подготовленные къ какой-то специальной службѣ, и въ такомъ случаѣ—къ какой именно? И потомъ—необходимо ли имѣть такихъ специалистовъ въ штабѣ или только полезно, а въ сущности можно бы и безъ нихъ обойтись? Объясненій этому въ статьѣ г. Скугаревскаго не найти. И въ концѣ концовъ приходишь къ заключенію, что мысль г. Скугаревскаго безсильна создать какое-либо опредѣленіе специальности генеральнаго штаба: его мнѣніе, что назначеніе генеральнаго штаба заключается въ исполненіи специальныхъ обязанностей, перечисленныхъ въ полевомъ

уставѣ, имѣеть въ этомъ отношеніи такую же цѣну, какъ если бы кто-нибудь сталъ утверждать, что специальность генеральнаго штаба заключается въ исполненіи обязанностей по тѣмъ должностямъ, которыя, случалось, бывали у насъ заняты офицерами генеральнаго штаба во всѣхъ вѣдомствахъ, начиная съ Государственнаго Совѣта и кончая женскими институтами.

Я остановился нѣсколько дольше, можетъ быть, чѣмъ слѣдовало бы, на мнѣніи г. Скугаревскаго, потому что на немъ особенно убѣдительно сказалась невозможность навязывать генеральному штабу тѣ или другія обязанности, не вытекающія изъ его естественнаго назначенія въ жизни современныхъ армій. Не давъ себѣ отчета, въ чемъ сущность генеральнаго штаба, его специальность, выдающійся офицеръ генеральнаго штаба выработалъ схему его обязанностей, которая была одобрена компетентными лицами и вошла въ уставъ, сдѣлавшись, такимъ образомъ, обязательной для всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Всѣ шансы, казалось бы, были налицо, чтобы въ арміи прочно установился опредѣленный взглядъ на генеральный штабъ. И что же? Прошло съ тѣхъ поръ всего шесть лѣтъ, и самъ авторъ схемы вынужденъ сознаться (въ той же статьѣ «Генеральный штабъ» въ № 1008 «Развѣдчика» за 1910 г.), что генеральный штабъ расплылся по всевозможнымъ вѣдомствамъ, что о вошедшей въ уставъ его регламентаціи обязанностей генеральнаго штаба у насъ «много не подозрѣваютъ и даже руководители службы генеральнаго штаба часто того не знаютъ...» и что «въ послѣднее время были высказаны такіе разнорѣчивые взгляды на этотъ институтъ, писатели такъ далеко разошлись даже въ опредѣленіи цѣли и назначенія его...», что автору кажется необходимымъ обратиться за выясненіемъ этого вопроса къ общественному мнѣнію. Все это ясно доказываетъ, что генеральному штабу нельзя навязывать обязанностей или специальности по произволу, что генеральный штабъ, родившись изъ условий, которыми опредѣляется современное военное дѣло, только въ томъ случаѣ будетъ правильно функционировать, когда будетъ устроенъ соотвѣтственно своему естественному назначенію, что поэтому въ настоящее время важнѣйшей задачей въ вопросѣ о генеральномъ штабѣ будетъ не придумываніе ему тѣхъ или иныхъ обязанностей, а изслѣдованіе его роли и назначенія въ жизни современныхъ армій. Генеральный штабъ появился въ составѣ ихъ помимо воли отдѣльныхъ лицъ: онъ такое же дитя XIX вѣка, какъ массовыя арміи, разрѣженный боевой порядокъ, интенсивный ходъ современныхъ войнъ и т. п. слѣдствія научнаго и техническаго

прогресса. Его нужно изучать, изъ этого изученія вывести его сущность и назначеніе и уже на нихъ строить схемы его обязанностей для включенія въ уставъ. Всякія попытки придумать для него какое-либо назначеніе инымъ путемъ свидѣтельствуютъ лишь о непониманіи сущности вопроса, о недостаточно развитомъ научномъ мышленіи и неизбѣжно обречены на неудачу.

При такомъ взглядѣ на генеральный штабъ сразу становится ясною вся несостоятельность того способа выясненія его спеціальности, который предложенъ г. Скугаревскимъ въ упомянутой статьѣ «Развѣдчика»: онъ обращается «къ общественному мнѣнію, въ видѣ голосованія вопроса среди читателей «Развѣдчика», желающихъ принять въ немъ участіе». На голосованіе онъ ставитъ пять опредѣленій назначенія генеральнаго штаба, данныхъ разными лицами, и проситъ отвѣтить, «какое изъ этихъ опредѣленій читатели признаютъ болѣе соотвѣтственнымъ».

Но въдѣ голосованіе допустимо лишь въ вопросахъ личнаго вкуса, личнаго усмотрѣнія: на конкурсѣ красавицъ голосованіе можетъ выяснитъ, какой типъ женщинъ приходится болѣе всего по вкусу мужчинамъ данной мѣстности и въ данное время; при выборѣ головного убора для арміи голосованіе, можетъ, тоже было бы полезно, выяснивъ, что, напримѣръ, введенный у насъ киверъ нравится большинству армій, что оно находитъ его удобнымъ, красивымъ, практичнымъ, по силамъ офицерскому карману. Но это и все, что можетъ дать голосованіе: женщина, премированная на конкурсѣ красоты, можетъ тѣмъ не менѣе очень отличаться отъ созданій Праксителей и Рафаэлей; киверъ, понравившійся большинству, все же можетъ оказаться никуда негоднымъ головнымъ уборомъ съ точки зрѣнія требованій и условій военной службы. Полагать же, что голосованіемъ можно рѣшать вопросы, требующіе научнаго изслѣдованія, составляетъ ошибку мышленія, почти граничащую съ безуміемъ. Попробуйте, напримѣръ, пустить у насъ въ Россіи на голосованіе вопросъ о вращеніи земли вокругъ оси—вы навѣрное принуждены будете признать, что она не только не вращается, а стоитъ прочно на трехъ китахъ; а относительно сущности грома голосованіе убѣдило бы васъ, что это Илья Пророкъ катается въ колесницѣ по небу. Понятно поэтому, что и изъ голосованія, предпринимаго г. Скугаревскимъ, мы узнали лишь взглядъ значительнаго числа офицеровъ на назначеніе генеральнаго штаба, но нисколько не подвинулись въ рѣшеніи вопроса, въ чемъ же заключается его спеціальность; а между тѣмъ г. Скугаревскій, предлагая голосованіе, именно это и имѣлъ въ виду, надѣясь разсѣять «туманъ, напущен-

ный писателями послѣднихъ дней», и дать полезный матеріалъ для сужденія при предстоящей реформѣ генеральнаго штаба. Предложеніе г. Скугаревскаго подверглось въ свое время вполне заслуженной суровой критикѣ г. А. Н. въ № 1010 «Развѣдчика» за 1910 г., который приходитъ къ справедливому, хотя и нѣсколько грубо выраженному заключенію, что полученному такимъ путемъ рѣшенію вопроса о назначеніи генеральнаго штаба «грошъ цѣна; надо благодарить Бога, если оно не окажется еще вреднымъ».

Результатъ голосованія приведенъ въ замѣткѣ, помѣщенной въ № 1017 «Развѣдчика» за 1910 г. Изъ нея видно, что на предложеніе г. Скугаревскаго откликнулось 222 человекъ разнаго служебнаго положенія и разнаго рода службы: были отвѣты отъ корпусныхъ командировъ и отъ подпоручиковъ, откликнулось и довольно много офицеровъ генеральнаго штаба. Такимъ образомъ 222 офицера, въ томъ числѣ лица высшаго команднаго состава арміи и офицеры генеральнаго штаба оказались повинными въ той же ошибкѣ мышленія, что и г. Скугаревскій. Печальное значеніе этого факта усугубляется еще тѣмъ, что Императорская Николаевская военная академія, разсадникъ научнаго образованія въ арміи, отмѣтивъ въ «Лѣтописи военной печати» въ №№ 2 и 4 своихъ «Извѣстій» за 1910 г. предложеніе г. Скугаревскаго и результаты его, не сочла нужнымъ дать надлежащую оцѣнку этому совершенно ненаучному приему; а между тѣмъ для нея, какъ высшаго военно-научнаго учрежденія въ странѣ, казалось бы, не должны быть безразличными тѣ приемы, которыми армія рѣшаетъ представляющіеся ей вопросы теоретическаго характера.

Съ точки зрѣнія характеристики нашего мышленія, пожалуй еще курьезнѣе, чѣмъ голосованіе вопроса о назначеніи генеральнаго штаба, является полемика о единой военной доктринѣ, недавно разыгравшаяся на страницахъ нашей военной печати. Одни горячо защищали необходимость для арміи чего-то такого, что никакъ не поддавалось изложенію и что называли иностраннымъ словечкомъ «доктрина». Другіе отвергали эту необходимость, также совершенно не давая себѣ отчета, что это такое за «доктрина», о которой говорятъ ихъ противники, и, подсовывая вмѣсто нея разныя другія понятія—доктринерство, шаблонъ и т. п., настойчиво предостерегали отъ опасности, которою грозитъ «доктрина». Люди говорили и спорили о неизвѣстномъ, но въ то же время какъ будто и знакомомъ имъ предметѣ, котораго ни опредѣлить, ни указать никто изъ нихъ не могъ. Картина получилась въ высшей степени назидательная, но и сумбурная, наводящая на «невеселыя думы и недобрыя пред-

чувствія», картина, составляющая «безусловно зловѣщій симптомъ», напоминая собою «Вавилонское столпотвореніе»⁸⁾.

А между тѣмъ вопросъ о единой военной доктринѣ очень простъ самъ по себѣ, такъ какъ доктрина, этотъ таинственный, страшный жупель, хорошо знакомъ всѣмъ со школьной скамьи и твердится намъ часто въ теченіе всей нашей служебной карьеры. Единую доктрину намъ нечего «вырабатывать», какъ требуютъ нѣкоторые сторонники ея (М. Эбѣловъ. «Воспитательные идеалы», «Развѣдчикъ» 1911 г. № 1066; «Обзоръ печати», «Развѣдчикъ» 1911 г. № 1070 и др.): она давнымъ давно выработана и у насъ и за границей и составляетъ, можно сказать, общее мѣсто, которое выслушиваютъ изъ вѣжливости, чтобы тотчасъ же и забыть о немъ. И формулировать ее можно различно. Не такъ давно всю Россію облетѣли два слова, въ которыхъ незаурядный военный дѣятель исповѣдалъ ее: это афоризмъ трагически погибшаго на «Петропавловскѣ» незабвеннаго адмирала Макарова: «помни войну!» Вотъ единая военная доктрина, которою мы, подобно нѣмцамъ, французамъ, японцамъ и др., должны проникнуться до мозга костей. Эта мысль кажется намъ, однако, такой банальной, избитой, что и говорить о ней какъ-то даже неловко. Посмотрите, напримѣръ, какъ робко приступаетъ г. А. Дмитревскій въ статьѣ «Доктрина, декадентство, шаблонъ, доктринерство» въ № 72 «Русскаго Инвалида» за 1912 г. къ изложенію этой же самой мысли другими словами: «Неужели, говоритъ онъ, намъ грозилъ бы въ будущемъ разгромъ... отъ принятія, напримѣръ, такой доктрины (прошу прощенія за слабую ея формулировку): согласное, дружное, какъ одинъ, общее (единое) стремленіе къ единой цѣли—*уничтоженію* (убиванію) врага какимъ угодно способомъ? Это покажется съ перваго взгляда очень простымъ, почти дѣтскимъ; однако, и этого мы еще не добились». Смѣлѣе, г. А. Дмитревскій, вамъ не въ чемъ просить прощенія, не зачѣмъ конфузиться, что высказанная вами мысль очень проста, дѣтски проста: это та же мысль, что и макаровское «помни войну», это и есть единственная «единая военная доктрина», которая только существуетъ, равно необходимая и для насъ, и для всякой другой арміи въ мірѣ; и за вами остается честь, что во всей полемикѣ о доктринѣ вы одинъ формулировали ее и тѣмъ опредѣлили предметъ спора.

Итакъ, если дѣло такъ просто, если эта доктрина намъ хорошо извѣстна, отчего же мы не замѣчаемъ ея благодѣтельнаго вліянія

⁸⁾ А. Дмитревскій. «Вавилонское столпотвореніе», «Русскій Инвалидъ» 1912 г. № 18.

на насъ, на наше военное дѣло? Въ томъ-то и бѣда, что наше мышленіе, непріученное къ строго научной, послѣдовательной работѣ, оказывается безсильнымъ связать каждое наше дѣйствіе съ этой доктриной, обосновать его на ней, оно такъ привыкло поддаваться всякаго рода привходящимъ соображеніямъ. «Помни войну»! Да, у Макарова вся его дѣятельность направлялась этою мыслью и заставляла его неустанно трудиться надъ подготовкой къ войнѣ, придавая его работѣ всегда цѣлесообразный характеръ; это она выдвинула его изъ ряда другихъ военныхъ дѣятелей того времени и заставила вѣрить въ него, въ разумность его взглядовъ, требованій и распоряженій. У насъ же наше больное, искалѣченное мышленіе прямо отказывается принять «помни войну» регуляторомъ нашихъ дѣйствій. Вѣдь если руководствоваться имъ, придется подчасъ отказываться отъ блестящаго или выгоднаго назначенія, если оно превышаетъ наши силы; придется работать дни и ночи и страдать отъ мысли, что все-таки не успѣваешь сдѣлать всего, что нужно для войны; придется, можетъ, вступать въ непріятные конфликты съ начальствомъ и заслужить, пожалуй, репутацію непокойнаго человѣка; чего добраго, можно даже потерять по службѣ. А какъ затруднится каждое дѣло, если его неизмѣнно относить все къ тому же основанію: «помни войну», какъ много придется надъ нимъ думать, работать! Очевидно, все это отнюдь не можетъ располагать насъ къ слѣдованію доктринѣ, мы и къ ней относимся съ привычными намъ пріемами мышленія и, не стѣсняясь, откидываемъ ее въ пользу какихъ-либо постороннихъ соображеній. Неудивительно, что въ силу этихъ несчастныхъ особенностей нашего мышленія доктрина у насъ не прививается, не можетъ привиться; и намъ приходится считаться со всѣми послѣдствіями этого факта, которыя отражаются вреднымъ образомъ на всей нашей подготовкѣ къ войнѣ и несомнѣнно принесутъ намъ немало горя въ будущихъ войнахъ.

Въ разобранныхъ случаяхъ рѣчь шла о выясненіи специальности генеральнаго штаба и объ единой доктринѣ, о вопросахъ скорѣе отвлеченныхъ, теоретическихъ, хотя и имѣющихъ исключительно высокое практическое значеніе; въ нихъ, казалось бы, уже не могли пмѣть мѣста никакія соображенія, не вытекавшія изъ сущности самого вопроса, какъ въ случаѣ экзамена офицеровъ при штабахъ округовъ. А между тѣмъ и въ нихъ совершенно отчетливо сказалась наша неспособность или непривычка къ строго логическому, научному мышленію не только въ массѣ офицеровъ, но и среди выдающихся представителей офицерской кор-

пораціи, среди лицъ вышаго команднаго состава, среди офицеровъ генеральнаго штаба. Мы не умѣемъ разбираться объективно въ представляющихся намъ вопросахъ, не стараемся точно устанавливать факты, отыскивать между ними соотношенія, не даемъ себѣ труда постичь причинную связь между ними и дѣлать изъ нихъ правильные, безпристрастные, научно-обоснованные выводы. Мы привыкли въ теоретическихъ вопросахъ, въ дѣлахъ общественныхъ и служебныхъ примѣнять тѣ же методы мышленія, которыми руководствуемся въ нашей частной жизни, гдѣ регуляторомъ нашихъ ноступковъ служатъ наши желанія, страсти, симпатіи и антипатіи, и потому легко миримся съ подчасъ явно несообразными и несостоятельными выводами. Между тѣмъ строго логическое, чисто научное мышленіе, чуждое по возможности всякихъ субъективныхъ вліяній, обязательно для тѣхъ, кому приходится работать не съ цѣлью удовлетворенія запросовъ личности, а на пользу общаго дѣла; и чѣмъ выше стоитъ общественный дѣятель, тѣмъ обязательнѣе для него эта способность.

Э. Х. Калнинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

